

Моя любимая Эми. История о том, как я дважды потеряла свою дочь

Автор:

[Дженис Уайнхаус](#)

Моя любимая Эми. История о том, как я дважды потеряла свою дочь

Дженис Уайнхаус

Клуб 27. Биографии легендарных музыкантов

«Я „отдавала“ Эми дважды: первый раз алкоголю и наркотикам, второй – окончательно, 23 июля 2011 года, когда оборвалась ее короткая жизнь».

Дерзкие стрелки, высокий начес, татуировки и безбашенное поведение. Такой запомнил мир одну из самых влиятельных певиц нашего времени – Эми Уайнхаус. Всемирная фан-база, миллионы проданных копий альбомов и многочисленные «Грэмми» – жизнь Эми была бы похожа на сказку, если бы не постоянная борьба с алкогольной и наркотической зависимостью. В 2011 году в возрасте 27 лет она скончалась от сердечного приступа в результате передозировки.

Ее мама Дженис Уайнхаус была, вероятно, для нее самым близким человеком. Эта книга могла выйти еще в нулевых, но певица была категорически против публичного «обнажения». И только после трагедии, взвесив все «за» и «против» и устав от невероятных историй «желтой прессы», Дженис решилась пустить поклонников в детство Эми, ее семью и ее душу. Она поделилась не только воспоминаниями, но и редкими фотографиями и дневниковыми записями Эми.

Это история не суперзвезды, а простой, хоть и очень талантливой и взбалмошной девушки. История девочки из еврейской семьи. История любимой дочери, боль от потери которой никогда не сможет улечься.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Дженис Уайнхаус

Моя любимая Эми: история о том, как я дважды потеряла свою дочь

Loving Amy: a Mother's Story

Janis Winehouse

© А. Н. Антипина, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«В память об Эми, Синтии и Эдди»

Команда проекта

ПЕРЕВОДЧИК – АННА АНТИПИНА

НАУЧНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР – ВЛАДИСЛАВ ПРУСС

«Об Эми Уайнхаус я узнал 10 лет назад, в день, когда ее не стало. Именно в тот день внутри меня что-то перевернулось, и я понял, что мне близок джаз/соул и сама Эми, ее дух. Словно потеря близкого человека, как бы странно это ни

звучало. Легендарной, необычайно талантливой, красивой, скандальной и в то же время простой девушки с нежной душой и тяжелой судьбой больше нет с нами. Но наследие Эми Уайнхаус, ее история, ее душа и, самое главное, музыка навсегда в наших сердцах. Влияние Эми на музыкальную индустрию столь велико, что даже спустя 10 лет после ухода ее имя продолжает звучать по всему миру. Выход книги Дженис Уайнхаус в России по-настоящему знаковое событие! Читая «Моя любимая Эми», вы растворитесь в новом мире, узнаете совершенно другую сторону Эми Уайнхаус. В вихре событий, многочисленных скандалов, борьбы со своими демонами и громких успехов мир не замечал самого главного – любимую дочь, сестру, подругу, любящую жену и всего лишь человека. Мама Эми делится с нами своими воспоминаниями об урагане «Эми», рассказывая о том, какой была ее дочь на самом деле, о детстве будущей мировой звезды. Работая над книгой, я пропустил через себя столько эмоций, словно слетал в космос. Погружаясь в воспоминания Дженис, ты ощущаешь, что пришел к ней в гости и листаешь фотоальбом, разговаривая за чашкой чая. Пробирает до мурашек. Надеюсь, книга вам понравится и вы ощутите тоже самое. И помните: слезы высохнут сами!»

КОРРЕКТОР – ОЛЬГА ШУПТА

«Вырастить гениальную дочь и наблюдать, как год от года наркотики и алкоголь ее убивают. Быть рядом и, шаг вперед и два назад, пройти этот путь до трагического финала – история, рассказанная матерью невероятной Эми Уайнхаус».

Пролог

Иногда Эми застаёт меня врасплох. Она прямо передо мной, и я не могу совладать с эмоциями. Это чувство возникает внезапно. Нет никакой методички для скорби. Не существует никаких правил. Я не могу предугадать, что вызовет это чувство: ее лицо, промелькнувшее на большом экране на BRIT Awards; ее песня, звучащая в зале ожидания во время посадки на самолет в Нью-Йорк; набор японского чая, который она купила для меня в одной из лавок в Кэмдене и на который я наткнулась во время уборки в кухонных шкафах; упоминание ее имени. Неважно, видны эти переживания окружающим или же я сдерживаю их

внутри, они всегда обездвиживают мое тело и парализуют мои чувства. Но я все равно по-странному их ценю. Они напоминают мне о том, что я все еще могу чувствовать, что я не утратила эту способность.

Боюсь, что настанет день, когда это изменится. Я боюсь дня, когда Эми перестанет быть живой в моих мыслях и моем сердце. Я не хочу, чтобы он когда-нибудь наступил. И думаю, что не наступит. Я любила ее. Я всегда буду любить ее и скучать по всему, что с ней связано. Эми, храни ее Господь, была больше, чем сама жизнь.

Я замечаю, что постоянно говорю «храни ее Господь» после произнесения ее имени. Так я признаю, что Эми была непростой девочкой. Эми была одним из тех редких людей, которые что-то изменили. С самого начала, с младенчества, она была очень громкой, взбалмошной, напуганной и чувствительной. Она была сгустком эмоций – временами очаровательной, а временами невыносимой. В том числе из-за трудностей, через которые ей пришлось пройти, чтобы избавиться от зависимостей, укравших ее жизнь. Путь Эми не был прямым – он был извилистым, а ее жизнь – неоконченной. Абсолютно неестественный порядок вещей. Она оставила вопросы без ответов, и все годы после ее смерти я пытаюсь соединить разорванные нити ее невероятного существования.

Я «отдавала» Эми дважды: первый раз – алкоголю и наркотикам, второй – окончательно, 23 июля 2011 года, когда оборвалась ее короткая жизнь. Я не верю бесконечным спекуляциям о том, что Эми хотела умереть. Не было никаких сомнений, что она сражалась сама с собой и с тем, во что превратилась. Но Эми мечтала обзавестись детьми, а интерес к людям и жизни был большой частью ее самой. Но она была девушкой, отрицающей авторитеты, человеком, который всегда углублялся в происходящее больше окружающих. Она говорила мне: «Мам, я ненавижу заурядность. Я не хочу быть посредственной». Эми была кем угодно, но только не посредственной. Она обладала невероятным талантом и выжала из него все. Она выжала все из своей жизни и тела. Она считала себя непобедимой, но была такой же смертной, как и все мы. Я вспоминаю, как она с озорной улыбкой на лице постоянно говорила мне: «Упс, мам, я правда не хотела, чтобы так вышло. Я переборщила в этот раз, да?»

Я не ожидала, что потеряю Эми, когда это случилось. С первой ночи, когда я держала ее на руках, она была неотъемлемой и огромной частью моей жизни. Но в худшие годы ее наркотической зависимости я думала, что каждая наша встреча будет последней. Эми стала рабом наркотиков, и частички той дочери,

что я вырастила, постепенно исчезали. В прошлом она сделала бы что угодно, чтобы добраться до меня, где бы я ни была, но с ухудшением зависимостей на нее стало сложно рассчитывать. Она не могла организовать себя без армии людей, которые расчищали ей дорогу и убирали за ней. Она стала одновременно очень сентиментальной и слишком раздражительной.

Эми сидела напротив меня в своей короткой, высоко задранной юбке, оголяющей ее тощие, худые колени. Я видела, что происходит. Я видела, что ее маленькое тельце не справляется, но ничего не могла поделать. Будучи ее мамой, я была абсолютно бессильна. Я звонила и навещала ее, но не могла спасти. Я знала, что если попытаюсь, то тоже пропаду.

Какое-то время Эми старалась защитить меня от реальности, в которой она жила. Ей хотелось, чтобы я оставалась ее «мамочкой», далекой от окружающего хаоса.

Эми равнялась на меня с малых лет, особенно после моего развода с ее отцом Митчеллом, и наверняка не хотела меня разочаровывать. Но у матерей есть шестое чувство, и я сама обо всем догадывалась. По мере эскалации проблем ей становилось все сложнее скрывать правду.

Взлеты и падения тех лет повлияли не только на Эми, но и на все ее окружение. Любовь к Эми равнялась постоянным опасениям, что я вот-вот ее потеряю, но не терять. Ты словно нырял под воду, задерживая дыхание, а затем жадно глотал воздух, дрейфуя на поверхности и гадая, чем же закончится следующее погружение.

Вдобавок к 2006 году, когда зависимости Эми начали ее поглощать, у меня уже был диагностирован рассеянный склероз. Я страдала от симптомов этой болезни больше 30 лет – они начались почти сразу после рождения старшего брата Эми, Алекса. Именно поэтому сейчас я хожу с тростью. Непредсказуемость Эми означала постоянную жизнь как на иголках, а мое здоровье тоже было сильно подорвано. Я часто спрашивала себя: «Неужели все это и правда происходит с моей семьей?» Затем мое чувство самосохранения наконец сработало.

Я всегда была прагматичной, но прагматично относиться к зависимостям собственной дочери – невероятно сложная для матери задача. До того, как мой склероз вынудил меня уйти на пенсию, я долгое время работала фармацевтом,

и мои медицинские знания помогли мне видеть в проблемах Эми болезнь. Но даже вооруженная ими, я едва могла держать себя в руках. Я посещала психолога, пытаюсь контролировать окружающую реальность. Мне нужно было поговорить с кем-то, кто не был эмоционально вовлечен в драму наших жизней. Шаг за шагом я начала вносить ясность в собственную жизнь. Я начала уделять время себе. Иногда я чувствовала вину, но продолжала твердить, что в этом нет ничего неправильного. Начали расцветать отношения с моим мужем Ричардом, которого я знала с двенадцати лет. Я убеждена, что все это, в комплексе с моими внутренними изменениями, по дарило мне огромное количество осознанности и силы при жизни Эми и продолжает дарить после ее смерти.

Вплоть до лета 2011-го я верила, что мы избежали беды – мы все верили. Она была чиста от наркотиков почти три года – мы видели свет в конце тоннеля, несмотря на то что она по-прежнему была серьезным алкоголиком. В любом случае, наши ожидания были огромными, и я была преисполнена оптимизма насчет ее будущего. Вместо того чтобы думать о том, умрет ли Эми и когда это случится, я начала представлять времена, когда ей станет лучше. К сожалению, они так и не настали. Меня всегда будет мучить мысль о том, как все могло бы сложиться, хоть я и вынуждена смириться с реальностью.

Эми ворвалась в мою жизнь словно вихрь и изменила ее навсегда. Я проживала жизнь вместе с Эми, но иногда ее история казалась нереальной. Я – гордая мать, видевшая, как ее дочь добилась невероятных успехов и признания, которых отчаянно желала. Но вскоре та личная и крепкая связь между нами стала достоянием общественности. Вся жизнь Эми и мы, ее семья, стали достоянием публики. Все, кого интересовала Эми, думали, что знали ее. Всем хотелось оторвать от нее кусок любыми способами. К этому мы были не готовы. Сама Эми оказалась меж двух огней: желанием спрятаться от света софитов и страстным желанием быть замеченной.

В этом смысле мы с Эми отличались. Всю ее жизнь, да и сейчас, нахождение в центре внимания тяготило меня. В отличие от Митчелла, мне сложно быть на публике. Мне всегда очень неловко стоять на красных дорожках, хотя мой муж Ричард говорит, что я выгляжу очень спокойной. Будь то получение наград от лица Эми или сбор денег для фонда (который мы с Митчеллом основали вскоре после ее смерти) – количество сцен, на которых я побывала, невероятно. Я делаю все это с мыслями об Эми. И если случается что-то невероятное – а такого с момента смерти Эми случалось много, – я думаю: «Дженис, это все часть истории». Иногда я думаю: это правда часть моей истории или я просто

смотрю фильм, снятый по ее мотивам? Со мной и моей семьей случилось так много всего, что это невозможно осознать. Я замечаю, что просто откладываю некоторые события в долгий ящик в своей голове, надеясь разобраться с ними позже. Это позволяет мне двигаться дальше.

Идея рассказать историю Эми возникла еще в 2007-м. Тогда со мной связался литературный агент с вопросом, не хочу ли я написать книгу. Я с сомнением отнеслась к этой идее, однако после встречи с агентом я вышла с мыслью, что мне бы этого хотелось. Но лишь после полного выздоровления Эми. Я позвонила ей и спросила, что она думает насчет этого предложения. «Не делай этого, мам, – сказала она твердо. – Я не хочу, чтобы люди знали, кто я такая». Вот и все. Эми была рада тому, что ее прическа, подводка и безумное поведение стали единственной публичной стороной ее жизни. Но мы знали, что она была куда более сложным и разносторонним человеком.

Тогда я даже не думала идти против ее желаний. Сейчас жизнь изменилась. Я долго и тщательно обдумывала, давать ли согласие на написание нашей истории, но как только решение было принято, все сомнения постепенно ушли. Воспоминания о счастливых и темных временах помогли мне понять, как наша обыкновенная жизнь стала такой фантастической – с одной стороны и такой ужасной – с другой. Я также по-новому взглянула на жизнь Эми, достала из памяти трудящейся матери давно забытые фрагменты, похороненные под весом славы и зависимостей. Со временем воспоминания всегда блекнут, а склероз серьезно ускоряет этот процесс: острота памяти ухудшается вследствие дегенеративных процессов, так что я решила записать свои воспоминания, пока они не исчезли навсегда. За эти годы я слышала и читала так много лживой информации об Эми, что захотела лично поведать истину.

Сложить кусочки наших жизней в единый пазл мне помогли мои семья и друзья, а также личные записные книжки Эми. Перебирая фрагменты ее жизни, я поразились, как сильно она иногда походила на мою до ее рождения. Эми была внешне похожа на меня. Наши школьные оценки почти совпадали. Мы обе любили приключения и, каждая по своему, стремились выжать из всего максимум, не задумываясь о последствиях. Я тихо бунтовала против «домашней» пригородной жизни 1970–80-х. Эми добилась огромной славы, бунтуя против фальшивого мира поп-музыки. В конце концов, она бунтовала против всего, и даже самой себя.

Несмотря на очевидную тяжесть моего горя, я всегда радуюсь, вспоминая, чего Эми достигла – чего достигли мы. Я получила два образования, воспитывая Эми и Алекса, и я хотела показать своим детям, что добиться можно всего. Эми хваталась за возможности обеими руками и очень рано реализовала свой потенциал. Я надеюсь, что она одобрила бы эту книгу как достоверный источник информации о ее жизни. Хотя я могу представить, как она пожимает плечами и говорит: «Мам, да обо мне нечего рассказывать, реально».

Сегодня на мне подвеска Эми. Это золотая звезда Давида, которую ей подарили в раннем детстве. Я никогда ее не снимаю. Я также ношу ее кольцо. Бывают дни, когда я надеваю даже ее одежду – футболки – и чувствую себя ближе к ней. Как я уже сказала, для скорби нет правил. Бывают дни, когда я смиряюсь с потерей, но бывают и ночи, когда я просыпаюсь в слезах. Однако я стараюсь не заикливаться ни на негативных сторонах ее жизни, ни на том, как повлияла на нашу семью ее смерть. Я продолжаю жить и по привычке занимаю себя чем могу. Это единственный способ пережить еще один день.

Я славлю талант Эми, а также тот великолепный подарок, который она преподнесла миру. Он будет жить еще долго после того, как уйдем я и вся моя семья. Фонд Эми Уайнхаус тоже начал привносить изменения в жизни подростков, которые по разным причинам оказались на неверном и сложном пути. Тот факт, что все деньги, вырученные с продажи этой книги, пойдут в фонд, значит для меня многое. Мы хотим помочь многим детям и знаем, что Эми с нами в каждом нашем решении.

Я предпочла не оплакивать Эми. На моем iPod есть все ее альбомы, а также live-концерт из Сан-Пауло. Во время велопоездки и тренировок, которыми я занимаюсь, чтобы облегчить симптомы склероза, лишь ее голос сопровождает меня. Я не знаю, справлюсь ли я без него. Моментами я слышу «оголенность» ее голоса и задаюсь вопросом: понимал ли мир, как тонко она чувствовала?

Она была певицей, суперзвездой, зависимой и молодой девушкой, которая неслась навстречу преждевременной смерти. Для меня же она просто Эми. Она была моей дочерью и моей подругой и навсегда останется со мной.

Теперь, оборачиваясь назад, я понимаю, что жизнь с Эми с самого начала обещала быть чем угодно, но точно не спокойной поездкой. Я родила Эми 14 сентября 1983 года в госпитале Чейз-Фарм, неподалеку от Энфилда, Северный Лондон, в возрасте 27 лет, и она сразу же начала делать все по-своему. За сутки до этого меня срочно привезли в больницу, но оказалось, что схватки были ложными, и меня отправили обратно домой. Следующим полуднем Эми решила, что готова явиться на свет, и второй раз за сутки ее отец Митчелл повез меня в родильное отделение, находившееся в 15 минутах езды от дома. Эми родилась в 22:25 с опозданием на четыре дня.

Я не запомнила, как прошли роды, зато отчетливо помню, как впервые взяла Эми на руки и подумала: «У меня дважды родился один и тот же ребенок!» Мой сын Алекс появился на свет четырем годами ранее и при рождении был невероятно схож с Эми, мягкие каштановые волосы, миндалевидные глаза и красивейшие черты лица. Я знаю, что так говорят все мамы, но Эми и Алекс и правда были очаровательными.

Во время второй беременности я была более уверенной и не волновалась о том, что впервые стану мамой. Помню, как боялась, когда Алекс плакал, и как паниковала, когда он издавал звук, значение которого я еще не понимала. Мой адреналин зашкаливал, и я чертовски уставала. С Эми я была куда более спокойной, плюс мне повезло с легкой беременностью. Не считая утренней тошноты, можно сказать, что девять месяцев прошли без сюрпризов – было лишь теплое чувство предвкушения новых родов. Хотя с бегаящим туда-сюда трехлеткой у меня не оставалось времени на размышления.

До того как родить, я никогда не представляла себя в роли матери. Я была довольно непростым подростком и часто думала о том, как вообще буду управляться с маленьким человеком. В те годы создать семью и родить детей было почти обязанностью. Все мои друзья так и сделали. Митчелл и я были из еврейских семей: рождение внуков для своих родителей было неписанным правилом. Я не видела себя в традиционной роли, но рождение детей изменило мою жизнь так, как не может больше ничего. Когда я забеременела Алексом, то с первыми его движениями в животе ребенок перестал быть чем-то далеким, он стал МОИМ ребенком. Я безумно полюбила его. Когда родилась Эми, я думала о них двоих как о просто «моих малышах».

Митчелл и я решили родить второго ребенка отчасти потому, что хотели, чтобы у Алекса была сестра или брат, и отчасти потому, что дедушка и бабушка Митчелла были еще живы. Хотелось, чтобы Бен и его жена Фанни, которым уже было за 80, увидели семью в полном составе. Бен управлял барбершопом на Коммершл-стрит в районе Уайтчепел, и мы часто ездили в Восточный Лондон навестить их – нам приходилось вползать по лестницам на последний этаж. Я была бы рада и мальчику, и девочке, но была уверена, что мы ждем еще одного сына.

Мы теснились в небольшой двушке в Винчмор-Хилл, Северный Лондон, которую мы с Митчеллом купили после свадьбы. Теперь, в ожидании Эми, мы решили переехать в дом с тремя комнатами на Осидж-Лэйн, пригородную улочку в районе Саутгейта, недалеко от Брэмфордского суда. Там мы с Митчеллом провели большую часть своей жизни. В нашем новом доме я включала классическую музыку на магнитофоне и бродила по гостиной, разговаривая с Эми, которая росла с каждым днем. «Ты точно мальчик», – приговаривала я, поглаживая живот. Когда я укладывала Алекса спать, он говорил: «Мама, я не могу дождаться рождения братика». На самом деле нас не заботил пол ребенка: главное, чтобы он был жив-здоров. Но втайне я мечтала о дочке. Эми стоила всех месяцев надежд и ожиданий.

За месяц до ее рождения я начала принимать таблетки на основе малиновых листьев. Может, это и миф, но я слышала, что они облегчают боли при схватках. Я почти убедила себя, что рождение этого ребенка пройдет быстро и легко. Как бы не так. Большую часть своих четырехчасовых схваток я провела стоя, чувствуя, как время между ними все сокращается, а сами схватки становятся сильнее. Я протерпела слишком долго для эпидуральной анестезии, так что по приезде в родильную я рассчитывала на одну лишь кислородную маску.

Никогда не забуду, как акушерка хвалила меня за терпение и спокойствие на последнем этапе. Я не могла перестать хихикать, потому что она, очевидно, не слышала воплей, которые я выпускала в кислородную маску при каждой потуге. «Это девочка!» – услышала я ее голос, когда выскочила 3,5-килограммовая Эми. Я аж выпрямилась. «Охренеть!» – закричала я, что было, наверное, неуместно, но мой мозг работал на износ. Девочка? Серьезно? Вау.

Сейчас я иногда думаю, что судьба Эми была предрешена заранее и что она должна была побыть рядом со мной короткое время. Но в ту секунду я думала о другом. Она была так совершенна, что меня охватило сильное желание

прижать ее к себе и защитить. Сегодня детей дают матерям на руки сразу после рождения. Но тогда Эми забрали, помыли, укутали и принесли ко мне в палату уже в люльке. Боль от этой недолгой разлуки сильно расстроила меня. Мне безумно хотелось взглянуть на ее лицо и потрогать ее маленькие ручки, так что всю первую ночь я не спала и любовалась ею. Она была прекрасна. Я не могла отвести от нее глаз.

Для меня рождение девочки стало новым опытом. Каждая мать понимает волнение, связанное с рождением ребенка. Мы все переживаем, что что-то пойдет не так, но я убедила себя, что все началось хорошо. Эми, храни ее Господь, была самой собой с первых секунд, но я интуитивно понимала ее. Когда она была юной, я ощущала, что связь между нами глубоко эмоциональна и совершенна. Я не могла дождаться, когда же настанет время всяких девчачьих ритуалов: выбора одежды, расчесывания волос, болтовни и объятий. Любовь к сыновьям так же сильна, но мальчики намного легче отдаляются от родителей.

Имя Эймс, которое мы с Митчеллом давно выбрали для планировавшегося мальчика, исчезло, а взамен его появилось имя Эми. Еврейская традиция требует называть детей именем, начинающимся на первую букву имени усопшего родственника. Мою бабушку Ханну также называли Энни, так что Эми мы назвали в честь нее, а среднее имя – Джейд – выбрали в честь отца отчима Митчелла Джека.

Алекс был рожден в госпитале Университетского колледжа, в шумном центре Лондона. Тогда матерей с первенцами держали в больнице дольше, чем сейчас, так что на протяжении четырех дней я училась кормить и купать малыша. Из моего окна открывался вид на башню Post Office, выделяющуюся на фоне города. И когда вокруг меня не было нашей огромной семьи, радовавшейся пополнению, я смотрела в окно и мечтала. А после рождения Эми я вернулась в Осидж-Лэйн уже через два дня. Но возле моей кровати в Чейз-Фарм стояло не меньше поздравителей.

И Митчелл, и я росли в больших семьях, осевших в Лондоне в начале 1920-х, так что вне зависимости от повода – будь то рождение детей или бар-мицва – они собирались огромными толпами. Домой дружно вошли мой папа Эдди, мой брат Брайан и сестра Дебра, к ним присоединились бабушка и дедушка Митчелла, а также его родители – мама Синтия и отчим Ларри. Наши дяди, тети, сестры и братья, племянники и племянницы, а также друзья – все они тоже пришли. Появился даже мой нынешний муж Ричард, который был женат на Стефани,

моей тогдашней лучшей подруге. Где была наша семья, там были жизнь, шум и смех. Я помню, как Митчелл хвастался Эми всем, чье внимание мог привлечь. Он поднимал ее и вертел в воздухе.

Митчелл обожал детей. Алекс и Эми были его радостью, но с самого начала отцовство давалось ему непросто. Я заметила, что с тех пор, как родился Алекс, весь уход за ребенком был на мне; с рождением Эми ничего не поменялось. Все мои дни состояли из бесконечного цикла стирки грязных пеленок и кормлений, а ночи были беспокойными. Но я держалась, несмотря ни на что.

Сама по себе я очень мирный и спокойный человек. Я обладаю внутренней решимостью, но все мои знакомые скажут вам, что со мной невозможно ругаться. В детстве Эми и Алекса я, к своему несчастью, принимала вещи такими, какими они были, и ничего не говорила во избежание ссор и ругани. Это было и остается моим слабым местом. В то время любой конфликт заканчивался его замалчиванием.

Через день после рождения Эми растерянный Митчелл вошел в палату в своем сшитом на заказ костюме. Обхватив голову руками, он произнес: «Дженис, мне нужно тебе кое-что рассказать». Я вскинула брови. Я знала, что после такой фразы хорошего не жди. Он признался мне, что пару дней назад потерял работу. Не это мне хотелось услышать. Мы только что переехали в новый дом. Нам нужно было выплачивать ипотеку. Я только что родила второго ребенка. Но я знала Митчелла с четырнадцати лет и понимала: он был в курсе, что меня непросто шокировать.

Митчелл был интересным – любил рисковать. С ним жизнь была приключением, и в начале брака мы развлекались от души. Тогда, в своей родильной палате, я знала, что он найдет способ встать на ноги. Но все же я не могла смириться с такой новостью. Я обрадовалась, когда в больницу пришла мама Митчелла и отвезла нас с Эми в спокойную гавань Осидж-Лэйна, где я почувствовала себя в безопасности. Даже сейчас тот старый дом пробуждает теплейшие воспоминания о нашей семье.

В первые месяцы своей жизни Эми была ярким и счастливым ребенком. Она все время просыпалась и плакала по ночам, так что мне приходилось ее убаюкивать. Мы обклеили детскую комнату ярко-желтыми обоями с белыми облачками, и я проводила там много часов, кормя Эми на детском стульчике с идентичной раскраской. Цвета отражали ее личность – очень громкую и веселую. Совсем

скоро Эми начала ходить (я помню чувство счастья, которое испытала, видя первые шаги своей дочери). Это было место, где она тренировалась кувыряться и, вытирая полы своей густой копной кудрявых волос, стоять на голове. И Алекс, и Эми обожали прятаться в коробке для белья с рисунком Али-Бабы, которая стояла у нас в спальне. Меня так забавляли их торчащие из под крышки головы, что я решила их сфотографировать. Каждая из фотографий стояла в рамочке на книжной полке – Эми с одной стороны, а Алекс с другой.

Митчелл привез Алекса посмотреть на Эми в роддом сразу после ее появления. Он присел на стул около моей кровати и нервно улыбнулся, когда Митчелл дал ему на руки его сестренку. Мое сердце чуть не растаяло, когда я увидела их первую встречу. Одета в белые ползунки и укутанная в пеленку, Эми выглядела огромной в руках Алекса. Он держал ее, боясь уронить. И сказал, что она воняет – от Эми пахло младенческим молочным запахом. Алекс испугался ее, потому что внезапно на его пути появилось краснощекое визжащее нечто. И плюс ко всему – это девочка!

Но как только Эми и Алекс приехали домой и последний перестал злиться, что у него родилась сестра, а не брат, все изменилось. Алекс все время обнимал Эми, отказываясь отпустить, и забирался к ней в люльку. Вскоре они стали неразлучной парочкой. Хотя через пару лет Алекс понял, что иметь младшую сестру не так уж и приятно. «Она как заноза в заднице», – частенько жаловался он мне. Если он шел на занятия по танцам, Эми тоже хотела на танцы. Если у Алекса был друг, то Эми хотела того же самого друга. Первым четко произнесенным словом Эми было «Алекс». Она хотела быть как он и следовала за ним как тень. Но в то же время в ней присутствовал дух соперничества – она никогда не позволяла ему слишком долго удерживать внимание.

Я помню, как спустя несколько лет Алекс готовился к своей бар-мицве, а я записывала на камеру его чтение стихов из еврейской Библии – Торы, которые ему предстояло зачитать на церемонии вслух. Неудивительно, что на той же самой кассете записано, как восьмилетняя Эми практикует свою воображаемую речь. Если Алексу действительно нужно было произнести речь, то Эми просто старалась от него не отставать, хотя ей не надо было готовиться ни к какой церемонии. У меня все еще есть эта запись. Помимо съемок с ее дней рождения, это единственная имеющаяся у меня кассета с ее детским голосом.

Даже тогда Эми редко подолгу молчала. Ее было слышно раньше, чем становилось видно. Она не приходила в гости – она врывалась в гости. Я часто

водила ее к Ричарду, чтобы она поиграла с его сыном Майклом, который был младше Эми на четыре месяца. Именно там она получила свое первое прозвище – Ураган Эми. Не успела дверь открыться – она тут как тут. Словно огромный вращающийся вихрь, Эми металась из комнаты в комнату, всегда чем-то занятая, полная энергии и мозолящая глаза.

Я тогда тоже была энергичной. Я работала вплоть до появления Алекса и Эми. Мне нравилось трудиться и зарабатывать собственные деньги. Так было с шестнадцати лет, когда я ушла из школы. Но мне нравилось быть и мамой. Я была поглощена невероятной энергетикой моей дочки, и мне нравилось помогать своим детям искать собственные пути в их юных жизнях. Если подумать, то я поставила перед собой невыполнимую задачу – стать идеальной матерью, потому что моя мама была не такой. Именно это я хотела исправить в отношениях со своими детьми.

Моя бабушка Дебора, еврейская эмигрантка из Восточной Европы, ушла от своего мужа и приехала в Лондон из Ньюкасла без гроша в кармане и с тремя дочерьми. Моя мама, Эстер Ричман, была младшей дочерью. Хотя я и родилась в Бруклине, Нью-Йорк, мы вернулись в Хакни в Восточном Лондоне, когда мне было всего полтора года. Со временем мы проделали традиционный еврейский путь от муниципального жилья Восточного Лондона до Сток-Ньюингтона. Все это было еще до того, как мы с Митчеллом поженились и осели в Саутгейте. Мою семью нельзя было назвать богатой. Испокон веков женщины в моей семье выглядели одинаково – ходила шутка, что мы были настолько бедны, что могли позволить себе только одно лицо. Но на столе обязательно была еда.

Мой папа Эдди, который работал женским портным, был для меня авторитетом. Несмотря на то что после смерти своего отца он и два его брата росли в Норвудском еврейском приюте, папа был спокойным, нежным и добрым человеком. Все любили Эдди. Но у него была трудная жизнь. Он не только провел всю юность в детдоме, но и прошел страшную антисемитскую школу во время службы в армии. Из-за этого еще до нашего рождения он отказался от семейной фамилии Стайнберг и взял новую – Ситон. Ситон, как оказалось, это маленький прибрежный городок на восточном побережье Девона – место, куда Эдди ездил, будучи подростком, и с которым у него были связаны приятные воспоминания.

Несмотря на трудности, отец не падал духом и много работал. Когда он умер за полгода до рождения Эми, мой двоюродный брат Мартин поделился

воспоминаниями: они называли моего папу «тетушкой Эдди», потому что ему удавалось совмещать роли и дяди, и заботливой тети. В свои последние годы он поставил себя во главу семейства. Я навсегда запомню стены в его доме, которые он называл своим «залом славы». Там висели фотографии его родителей и братьев, детей и внуков. Каждый раз, когда в нашей семье кто-то рождался, он вешал на стену очередное фото. «У меня нет любимчиков, – однажды сказал он. – Я вас всех одинаково ненавижу».

Таким был мой отец, символ стабильности в нашей жизни. Моя мама Эстер, с другой стороны, не могла спокойно жить. Она была неугомонной и взбалмошной женщиной, вечно искавшей что-то «лучше». Это и задержало моих родителей в Нью-Йорке на целых восемь лет. Мама услышала о какой-то большой местной семье и вообразила, что именно в Нью-Йорке мы найдем свое счастье. Но ее ждало разочарование. Папе удалось найти только низкооплачиваемую работу, на что моя мать не рассчитывала, и очень скоро мы вернулись в Лондон.

Отец Эстер скоропостижно скончался, когда ей было 13 лет. Это наверняка ее травмировало. Даже родив собственных детей, она не повзрослела. Нам с моим старшим братом Брайаном пришлось воспитывать младшую сестру Дебру, которая младше меня на семь лет.

Моя мама бросила отца за день до моей свадьбы. Мне был 21 год. Я выглядела свежей, держала в руках букет и была одета в прекрасное белое свадебное платье, которое арендовала в свадебном салоне «У Лоснеров». Но мамы не было под хупой (свадебная арка. – Прим. авт.), чтобы помочь мне. Тогда я вздохнула с облегчением – если ее не было, значит, она не могла испортить этот важный день. У моей матери была ужасная привычка делать себя центром внимания. Но глубоко внутри я мечтала о матери, с которой у меня были бы теплые отношения. Я видела, как отец старался держаться молодцом, и это разбивало мне сердце. Я приняла решение: когда обзаведусь детьми, дам им все, чего не дала мне моя мать. Я вкладывала много энергии в то, чтобы Алекс и Эми чувствовали мою любовь – проводила с ними время, поддерживала их во всех начинаниях.

Пока я старалась держать дома дисциплину, семья Митчелла, конечно же, позволяла Эми вытворять все, что ей заблагорассудится. В отличие от моей семьи, нравы Уайнхаусов были куда свободнее. Они были более шумными, но зато нескучными. Жизнь забросила меня в их семью, и они мне сразу же

понравились: их открытость отзывалась в моей бунтарской душе. Алекс и Эми были единственными внуками в семье Митча. Эми, будучи младшенькой, привлекала много внимания его мамы, Синтии, и ее сестры-близняшки Лорны. До такой степени, что ее дерзкое поведение терпели и даже одобряли, а непослушность снисходительно пропускали мимо глаз.

Если ты становился семьей Синтии, то оставался ею навсегда. Однако привыкла она ко мне не сразу. Нас с Митчеллом подростками познакомил мой двоюродный брат Мартин, но у нас не было отношений вплоть до 1974-го, пока мы вновь не столкнулись на вечеринке. Митчелл прорвался сквозь толпу и пригласил меня на танец. Забавно, ведь я знала, что если станцую с ним, то мы начнем встречаться, а если откажу, то отношениям не бывать. Я согласилась, и тогда мы стали парой. Мы были странной парочкой, если честно. Мне было 19, а он был старше на четыре года. Мое хипповское платье и шапка «бини» не сочетались с шикарными костюмами Митчелла. Но мы были вместе. Никто об этом не знал. У Митча была репутация дебошира. Мне казалось, все скажут: «Ты что, свихнулась?» Поэтому я решила держать отношения в тайне.

Поначалу Синтия здоровалась со мной, называя именем бывшей Митча: «Привет, Шерон». «Мама, это Дженис», – поправлял он ее сквозь сжатые зубы. «Прости, милая», – отвечала она. Но совсем скоро мы с Синтией стали очень дружны. Такими мы и оставались до конца. Я нежно звала ее Синти, и, несмотря на то что она была главой куда более безбашенной семьи, чем Ситоны, она была моей опорой, помогала мне в делах и эмоционально поддерживала многие годы. По сути, она стала моей второй мамой.

У Синтии был очень сильный, яркий характер. Она очень часто носила яркие красные принты, синие и зеленые тени и красила ногти. До того как выйти за отца Митчелла, Алека, она встречалась с джазовой легендой Ронни Скоттом. Синтия любила музыку и развлечения, а также увлекалась оккультизмом и духовными практиками. С ранних лет Эми хотела быть похожей на бабушку, которая казалась ей самой гламурной и невероятной.

Если на свете и был человек, которого Эми боялась, то это была Синтия. Она была из тех женщин, которым палец в рот не клади. Ее желания – закон. Если она что-то не одобряла, это было видно. Алекс вспоминает, как ее возмутило, что он не поздоровался с ней, перешагнув порог ее квартиры, когда ему было восемь лет. Он сделал это не специально, по упущению, но Синтия приняла все близко к сердцу. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, она наверняка

отчитывает Эми. «Видишь! Я говорила тебе, что так и случится!» Могу даже представить ее голос.

Вот что точно: когда мы с Митчеллом развелись, я потеряла свой брак, но не лишилась его семьи. Я по-настоящему любила Синтию. В страшные несколько месяцев перед ее смертью от рака легких в 2006 году я навещала ее каждый день, разговаривала с ней и держала за руку. Мы все еще близки с сестрой Митчелла Мелоди. Уайнхаусы – любящая и щедрая семья. Однажды став их частью, я знала: что бы ни случилось, это не изменится.

Эми с детства была ходячим происшествием. Как только она научилась ползать, тут же начала все тащить в рот. У меня есть портрет, на котором двухлетняя Эми изображена в типичной для нее манере – с пальцами во рту. Эта привычка была с ней всю жизнь. Однажды она сидела в своей коляске, играя с игрушкой, с которой она стянула целлофановую упаковку. Стоило мне отвлечься – упаковка оказалась у нее во рту, и через секунду Эми уже дергалась в конвульсиях. Мое сердце пропустило удар – я засунула пальцы ей в горло, чтобы достать пакет, который, к счастью, удалось вовремя вытащить. Мы избежали кризиса – но ненадолго.

У Эми и Алекса были друзья Лорен и Адам Харрод, жившие неподалеку. Когда Эми училась в первом классе, они то и дело бегали друг к другу в гости, чтобы поиграть. Однажды я пришла забирать Эми и болтала с кем-то в гостиной, как вдруг через заднюю дверь дома Харродов забежала Эми, прикрывая рот рукой. «Мама, мама! – закричала она. – Я думала, что съела гриб, а Лорен сказала, что это поганка!» Я была в ужасе и начала звонить всем, кто мог хоть что-нибудь посоветовать. В конце концов я схватила Эми, усадила ее в машину и рванула в госпиталь Чейз-Фарм, где судорожно объяснила, что моя дочь проглотила поганку, которую нашла в соседском саду. Ей прочистили желудок и дали выпить противорвотное лекарство, чтобы убрать тошноту. Врачи сказали, что с ней все будет в порядке, но всю ночь за ней надо будет присматривать. Для меня это означало сутки дикого волнения.

Вы могли подумать, что Эми усвоила урок, но она никогда их не усваивала. В моей семье ей дали еще одно прозвище – Надж, слово на идише, означающее человека, который все время перегибает палку. Если вы запрещали Эми что-то делать, она воспринимала это как сигнал к действию.

Если случая с поганкой недостаточно, то ситуацию, когда Эми потерялась в районе парка Брумфилд, моя семья никогда не забудет – и не даст забыть мне. Я болтала с подругой, а когда опомнилась, то Эми уже исчезла из моего поля зрения. Я стала бродить, выкрикивая ее имя, но вместо детского голоса, отвечающего мне: «Я тут, мамочка», я слышала гробовую тишину. Я замерла на месте. В парке Брумфилд есть три гигантских пруда. «О Боже, о Боже, пожалуйста, не дай ей оказаться на дне одного из них». Я продолжала повторять эту просьбу. Поняв, что мне понадобится помощь, я обратилась к смотрителю парка, и он объявил о начале полноценной поисковой операции.

Когда я прибежала домой, чтобы забрать Алекса, со словами «Эми пропала», он играл с друзьями в парке неподалеку. Я едва могла идти. Мы опрашивали всех прохожих. «Вы не видели маленькую девочку? Семь лет, каштановые волосы, темные глаза?» Пожалуйста, пожалуйста, скажите «да», молила я. В какой-то момент я начала ползать на четвереньках, пытаюсь понять, не прячется ли она где-нибудь или не попала ли она в ловушку. Паника накатывала на меня волнами, и я ощутила сильное чувство вины. Я подвела ее. Я плохо за ней следила.

После звонка в полицию то, что начиналось, как обычное утро в парке, приобрело ужасающий поворот. Мы с Алексом, который к тому моменту уже обезумел от волнения, запрыгнули в полицейскую машину, чтобы отправиться на поиски Эми, которая попросту испарилась. Когда начало темнеть, нам посоветовали идти домой и ждать, потому что мы больше ничем не могли помочь. Дом был последним местом, где мне хотелось находиться. Я хотела искать свою малышку, и искала бы всю ночь, будь это необходимо. Для начала, я даже не знала, как вообще это объясню. Я заранее слышала все вопросы. Как я умудрилась потерять Эми? Везде ли я смотрела? Уверена ли я, что она точно пропала?

Я почти сдалась, когда около парковых ворот появилась сестра Митчелла Мелоди, идущая за руку с моей улыбающейся дочерью. Чувство облегчения и непонимания происходящего смешались во мне. Я бросилась к ней и обняла, шепча: «Спасибо, спасибо».

Оказалось, что подруга Мелоди гуляла в парке со своими детьми и заметила одинокую Эми. Она позвала ее к себе домой поиграть, и Эми, конечно, согласилась. Подруга позвонила Мелоди, которая жила рядом, сообщив, что Эми у нее. Она попросила Мелоди забрать ее и отвезти домой. Мне потребовалось

много времени, чтобы простить эту подругу. После того как я успокоилась, на меня напал гнев. Эми spolна это почувствовала. Я продолжала думать: «Я не знаю, что в голове у этой девчонки!» Она ни секунды не подумала, что я свихнусь оттого, что она куда-то пропала. Ей было плевать на последствия. Такое чувство, словно у нее не было тормозов.

Каждый родитель знает, как в таких ситуациях разыгрывается фантазия. Если честно, я представляла вовсе не сценарии, где Эми похищает какой-то ужасный человек. Я воображала, что Эми отпускает мою руку и выбегает на дорогу или как она прячется, а я не могу ее найти. Верьте или нет, но когда Эми была малышкой, мне приходилось ждать, пока она заснет, чтобы примерить ей новую обувь, потому что после пробуждения она сразу же начинала носиться. Да, моим самым большим переживанием была сама Эми, потому что она совершенно ничего не боялась.

Выходки Эми были легендарными, но у нее также была и другая, менее самоуверенная сторона. Она все время липла ко мне, и ей не нравилось, если мое внимание было обращено на других детей. Как только Эми окончила подготовительные курсы при Саутгейтской синагоге, она пошла в подготовительную группу в Хэмпден Вай-Нерсери. Я снова начала подрабатывать после рождения Алекса и между делом выучилась на воспитателя подготовительной школы, отвечавшего за прогулки. Эми частенько попадала в мою группу. Помню, как однажды помогала ребенку по имени Нираж. Мы складывали кубики, а Эми постоянно подходила и дергала меня за рукав со словами: «Мама, мама, а как же я, мама? А я?»

Делиться мной Эми было трудно. В первом классе она нарисовала рисунок в своем школьном блокноте, на котором изобразила нас с ней с подписью: «Я всегда могу спрятаться за свою мамочку». Забавно, как дети могут написать что-то очень невинное, но наполненное таким глубоким смыслом. Эми не прекращала прятаться за меня, даже повзрослев. На фотографии, сделанной во время нашей поездки в Диснейленд во Флориде спустя лет семь, Эми держит меня так, словно от этого зависит ее жизнь.

Она никогда не хотела быть «королевой вечеринки», хотя ей нравилось быть в центре внимания. Однажды она отмечала совместный день рождения со своей подругой Зарой. Бабушка Зары заметила, что Эми держится поодаль, и решила пригласить ее поиграть с другими детьми, на что Эми ответила: «Нет, мне скучно». Это был ее день рождения, но ей было неуютно. Очень часто, когда она

не могла что-то контролировать, она фыркала и скрещивала руки на груди. Эми умела выражать себя ясно, даже не произнося ни звука. Но когда она отвечала вам, то высказывала все прямо. Если ей не хотелось играть, она не играла. Ее пытались подтолкнуть, говоря: «Хочешь заняться вот этим, Эми?» Но она складывала руки и говорила: «Нет». Ей нравилось быть в одиночестве, но она также любила быть лидером – мы всегда считали это признаком ее яркой индивидуальности.

Оглядываясь назад, я понимаю, что Эми и Алексу пришлось многое пережить. Они росли в любящей, но весьма необычной семье. Помимо безумия, окружавшего Митчелла, сразу после рождения Алекса я стала хуже себя чувствовать. Ощутила странные покалывания в теле. Словно уколы множества иголок, которые иногда продолжались часами. Мне было всего 24, так что я даже не думала о серьезном заболевании.

Врач предположил, что я страдаю от постродовой депрессии, и выписал мне антидепрессант под названием «Амитриптилин». С одной стороны, это хорошо. Но я еще не знала, что мои симптомы были ранними проявлениями рассеянного склероза. Если бы этот ярлык навесили на меня в столь раннем возрасте, боюсь, я бы считала себя больным человеком и, возможно, отдалилась бы от жизни. Мой врач предложил мне посетить невролога для прохождения спинномозговой пункции (неприятной процедуры, в ходе которой у вас берут пробу жидкости, находящейся вокруг мозга и в позвоночнике, чтобы выявить нарушения), но результаты ничего не показали. Я просто продолжала жить.

Все это случилось до того, как я забеременела Эми. Помню, как во время одного из приемов мне посоветовали дважды подумать, прежде чем рожать. Я очень возмутилась такому комментарию, потому что верила, что все пройдет отлично, что это ощущение, чем бы оно ни оказалось, скоро исчезнет. Так и случилось. Однако я стала замечать, что утомляюсь быстрее, чем люди моего возраста, и у меня постоянно плохое настроение. Прибавьте сюда двоих детей – просто вечная усталость. Но я шла вперед.

Хоть эта болезнь и раздражала, она совершенно не изменила моей решимости. Я всегда стремилась к тому, чтобы меня знали как человека, который может что-то делать, а не наоборот. Так или иначе, я продолжала подрабатывать и быть за двоих родителей дома. Сейчас я могу сказать, что Митчелл бывает самым милым мужчиной на свете, и нам повезло сохранить хорошие отношения. Но когда дети были маленькими, Митчелл все время работал, зарабатывал деньги. Уайнхаусы

были хороши в приумножении капитала. Тем более на дворе были 1980-е, когда все старались сколотить состояние. Мы были, наверное, единственной семьей на Осидж-Лэйне, владеющей «Ягуаром» и серебристым «Роллс-Ройсом», припаркованными у дома. Помню, как Алекс пришел домой из начальной школы, жалуясь, что никто из его друзей не верит, что у его папы есть «Роллс-Ройс». «Но это правда, мама. Он же правда есть, да?» – спрашивал он, а я всегда отвечала: «Да, Алекс, у него он ПРАВДА есть».

Когда родился Алекс, Митчелл работал в компании по установке стеклопакетов. Он продолжал трудиться там и после появления Эми, но теперь всегда брал двойные смены. Митчелл, храни его Господь, может быть таким выпендренником; как быстро он деньги зарабатывал, так быстро он их и спускал – на одежду, туфли, машины и друзей. По возвращении с работы он усыпал Эми и Алекса подарками, а весь дом наполнялся любовью. «Папочка, папочка!» – кричали дети, как только слышали скрежет в замке. Они очень радовались его возвращению – бросались к нему, долго обнимали и целовали.

Эми говорила о «папочке Митчелле» и «Митчелле Уайнхаусе» как о двух разных людях. Митч Уайнхаус был потрясающим рассказчиком, который усаживал ее к себе на колени и рассказывал ей «митчеллизмы» – семейные истории о старом Восточном Лондоне, о гангстерах и спекулянтах. А был также «папочка Митчелл», который, только вернувшись, снова куда-то убегал. Даже сейчас Митчеллу сложно долго сидеть на месте. Он встает и начинает заниматься чем-нибудь еще. Он просто такой.

Наши дети ничего от него не хотели. Они любили его, и он любил их, но об их физических и эмоциональных потребностях все время заботилась я. Я не буду лгать, что никогда не высказывала Митчеллу претензий по этому поводу. Иногда я страшно изматывалась и уставала, но старалась играть свою роль, потому что Митчелл много работал. «Дженис, тебе придется с этим справляться, так будет продолжаться еще долго», – думала я. Но иногда, лишь иногда, мне хотелось передать бразды правления кому-нибудь другому.

Смотря в прошлое, я жалею, что мы проводили так мало времени вместе всей семьей.

Мне нравилось быть мамой Алекса и Эми, но с подросткового возраста я всегда любила бросать себе вызовы. Когда у меня появилась семья, это желание отошло на задний план, но не исчезло. Поэтому, когда Эми исполнилось три года, я поступила в Открытый Университет.

Сначала я хотела получить гуманитарное образование, но там не осталось мест, так что мне пришлось поступить на научное направление. По счастливому стечению обстоятельств моя подруга Стефани подала документы туда же, и мы стали учиться вместе. У нас обеих были дети, и дистанционная форма обучения позволяла нам заниматься на дому. Курс был достаточно гибким, так что мне удавалось забирать детей со школы, подрабатывать и заниматься по вечерам.

Для нас получение второго образования не было способом продемонстрировать женскую свободу. В 1960-х мы со Стефани уже были подростками, однако не участвовали в феминистских движениях тех лет. Мы были двумя обычными мамами, которые стремились к чему-то большему, чем рождение детей и жизнь в пригороде. Лично мне хотелось доказать самой себе, что я не глупая и что могу стать квалифицированным специалистом. Не считая фармацевтических курсов, я нигде не училась после школы, так что это образование стало для меня первым. Правда, я не осознавала, какими одухотворенными были те годы. Я вспоминаю их с чувством гордости и восхищаюсь тем, как хорошо я со всем справилась.

Все вечера были одинаковыми. Я кормила и купала детей, а потом читала им книги на втором этаже. Когда Эми была маленькой, она любила сказку «Златовласка и три медведя» и всегда слушала ее, хихикая и широко раскрыв глаза. Еще ей нравились «Кот в шляпе» Доктора Шлюза, «Почтальон Пэт» и «Паровозик Томас». Мы усаживались в комнате Эми, которая находилась в передней части дома, и она пролезала под мою руку, одетая в свою пижаму. Алекс обычно укладывался рядом, и мы открывали книгу.

Стефани рассказывала мне, как однажды она забирала Эми из подготовительной группы. Эми держала в руках какое-то сочинение. Кажется, оно было о школьной поездке. Эми громко и с выражением читала его, выходя из дверей кабинета. Другой родитель, услышавший это, похвалил, что Эми хорошо читает в столь юном возрасте. Я рано поняла, что она была одаренной и быстро училась. Я поддерживала все ее начинания, потому что она быстро схватывала любую информацию.

Еще мне очень нравилось, что она унаследовала мою любовь к мультяшному персонажу Снупи. Когда я была маленькой, у моего брата Брайана была плюшевая игрушка Снупи, которой он очень дорожил. Когда я тайком взяла его комиксы Peanuts, чтобы понять, что к чему, то сразу же подседа на захватывающую историю об интроверте Чарли Брауне и его глупой, но милой собаке. Так что я читала эти комиксы для Эми и Алекса.

Когда дети засыпали, я делала себе чашку чая, открывала учебники и занималась до поздней ночи на диване в гостиной. Маленькие Алекс и Эми привыкли видеть меня за учебой, и мне хотелось, чтобы они замечали книги у меня в руках. Особенно сильно мне хотелось, чтобы Эми поняла: я больше чем «мамочка». Чтобы она усвоила: если хвататься за возможности, то добиться можно всего. Сейчас мне кажется, что я мыслила прагматично и, возможно, неосознанно указывала Эми, какого будущего для нее хочу. Наш дом определенно был хаотичнее других, однако я считала, что детей лучше учить на своем примере, чем все время ругать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/uaynhaus_dzhenis/moya-lyubimaya-emi-istoriya-o-tom-kak-ya-dvazhdy-poteryala-svoyu-doch

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)